

ЗАМИР К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТОВ В СИНТАКСИСЕ

Разматрајући улогу коју у лингвистичким истраживањима играју начела виђења ствари, аутор се критички осврће на пренаглашено придавање важности тзв. синтаксичким концептима, с позивом на чињеницу да у појединим случајевима устројавање тих концепата није универзалног карактера, већ зависи од специфичних спознајно-културних хоризоната датог етникума.

Состояние современного синтаксиса, как и языкознания в целом, трудно назвать успешно определившимся с точки зрения обозначения важнейших его актуальных проблем и соответствующих эвристических процедур. Главное очевидное его проявление – это легко прослеживаемая растерянность, обусловленная размытием основополагающих составляющих научного поиска и описания: чем синтаксис призван заниматься с учетом того, что уже сделано и достигнуто в предшествующей традиции? Где начинаются и кончаются границы предмета его исследования? Какими путями продвигаться к решению задач, лишенных ясных и концептуально-методологически питаемых теоретических формулировок?

Современное языкознание в России (и не только в России) неожиданно, стихийно, но последовательно дрейфует в направлении концептологии, выдвинувшейся на самый передний край научного интереса и поиска. Этот дрейф втягивает в свою орбиту и синтаксис. Сама такая ситуация в науке, в особенности – в синтаксической, представляется требующей некоторого обсуждения и осмысления.

Однако прежде чем перейти к комментарию перспектив подобного рода дрейфа синтаксиса в направлении концептологии, небесполезно хотя бы очень бегло-схематически оглянуться на историю последовательно складывавшихся синтаксических теорий, предлагавшихся в рамках каждой из них процедур, задач анализа языка и связанных с ними результатов.

В европейской лингвистической традиции синтаксис – древнейшая среди отраслей языкознания. За два с половиной тысячелетия ее существования многократно менялись парадигмы научных синтаксических представлений, подходы к определению предмета синтаксиса, процедур его описания и объяснения.

Крайние точки амплитуды колебаний в этих подходах приходятся, с одной стороны, на чисто логические или логико-синтаксические толкования, в рамках которых предложению отводится главенствующее место и оно квалифицируется как форма формы, как дважды форма (это, как известно, наиболее устойчивая и распространенная традиция), а с другой – на формальные характеристики, когда в центр синтаксических описаний выдвигаются аспекты, связанные с систематизацией лексико-морфологических форм, образующих предложение и его компоненты, их валентностно-синтагматических свойств.

При этом если логический подход в разных его модификациях практически не знает перерыва в традиции, то формальные концепции синтаксиса, складываясь эпизодически, существовали недолговечно (ср., например, судьбу формально-синтаксической теории Ф. Ф. Фортунатова и его школы в последовательно завершенном варианте; судьбу синтаксиса Риса, громоздкой дескриптивистской процедуры анализа по непосредственно составляющим, синтаксиса зависимостей и т.д.).

Из этих констатации из истории синтаксической науки следует, в частности, и тот вывод, что замкнуто-формальные описания вне их достаточно широкой прагматически-прикладной ориентации¹ не получают широкого распространения и, как правило, не выходят за пределы парадигмы научных представлений определенного, причем ограниченного, периода времени. Существенно, однако, то, что ни одна из эвристических процедур, предложенных в рамках череды меняющихся парадигм, за исключением так называемых традиционных, не становилась инструментом для исследования и описания *значительных массивов собственно языкового материала*. Может быть, единственное исключение из этого общего правила составляет «Очерк синтаксиса русского языка» М. Н. Петерсона (1923 г.)²,

¹ О прагматически-прикладных теориях и процедурах лингвистического анализа см., напр.: Долинина И. Б. *Системный анализ предложения*. М.: Высшая школа, 1977; *Прикладное языкознание. Учебник* / Отв. ред. А. С. Герд. СПб. (СПбГУ), 1996.

² Петерсон М. Н. *Очерк синтаксиса русского языка*. М.; Пг., 1923.

полностью выполненный в формально-грамматическом ключе и в котором словосочетания, признаваемые в качестве основной единицы синтаксиса, рассматриваются на обширном материале прозы М. Ю. Лермонтова.

Эвристические процедуры, с необходимой последовательностью не реализованные в исследовании действительно значительного материала конкретного языка, непрерывно возрастающий метаязыковой инвентарь, не всегда пропорциональный соответствующим научным результатам, создают удивительно богатую мозаику, фрагменты которой к тому же оказываются между собой в отношении дополнительной дистрибуции. В итоге современная лингвистика располагает огромным терминологическим аппаратом, *разным для разных лингвистических направлений и школ*. По этой причине один и тот же языковой феномен нередко обслуживается различными названиями-терминами. Имея в виду это обстоятельство М. И. Стеблин-Каменский писал в 1971 г.: «Всякое введение нового термина – это в большей или меньшей степени замена вопроса «что собой представляет данное явление?» вопросом «как следует называть данное явление?»³ В результате вместо ожидаемых развернутых описаний языкового материала с использованием соответствующих метаязыков появляются *словари самих метаязыков* разных лингвистических направлений и школ, призванные обеспечить взаимопонимание между их приверженцами⁴.

Другая существенная особенность грамматических теорий в их динамике состоит в том, что одни и те же терминологические обозначения используются для квалификации кардинально отличающихся явлений как внутри одного языка, так и разных языков.

Последние годы отмечены, как известно, всеобщим интересом к концептам как феноменам, организующим, конституирующим глубинное семантическое пространство языка. При этом сам термин *концепции* и определение его содержания у разных исследователей заметно разнятся. «Концепт, – пишет Ю. С. Степанов, – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в

³ Стеблин-Каменский М. И. *Название и познание в истории грамматики* // Вопросы языкознания, 1971, № 5, с. 31.

⁴ См., напр.: Вахек И. *Лингвистический словарь Пражской школы*. М., 1964. И др.

некоторых случаях и влияет на нее»⁵. Прочерчивая в общем виде ментальные характеристики русского слова, В. В. Колесов обращает внимание на то, что «концепт данной культуры», являясь основной единицей ментальности, «в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах – как образ, как понятие и как символ»⁶. Согласно В. В. Колесову, ментальные и концептные архетипы складываются исторически, следовательно, лишь исторический подход может быть ключом к их познанию и описанию. Аналогичны принципиальные квалификации концептов, общие методологические установки, определяющие порядок и процедуру их изучения и в работах Л. В. Савельевой⁷. И т.д.

При всех своих внешних различиях определения концепта едины 1) в отнесении концепта к миру понятий, 2) в признании концепта в качестве основной единицы ментальности, 3) в признании того, что концепты – это константы соответствующей культуры, определяющие ее своеобразие; 4) в том, что, складываясь исторически, концепты закрепляются на предметно-понятийном, лексико-семантическом, уровне языка.

Поэтому вполне естественно, что концепты этнической философии и культуры, выразившиеся в языке, наиболее убедительно прослеживаются именно на лексико-семантическом его уровне.

Однако, как это обычно бывает в языкознании, идеи, показавшие свою продуктивность в изучении одного уровня или аспекта языка, не замыкаются в границах этого уровня или аспекта лингвистического анализа, а инерционно распространяются и на другие уровни языка. Иногда это оказывается полезным, ср., например, роль некоторых методов и процедур фонологии XX в., экстраполированных на анализ единиц других уровней языка⁸.

По той же логике идеи, методика вычленения и систематизации концептов как констант предметно-понятийной сферы языка переносятся и на синтаксис. Уже появляются первые специальные развернутые исследования, посвященные синтаксическим концептам.

⁵ Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования*. М., 1997, с. 40.

⁶ Колесов В. В. *Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет* / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995, с. 15.

⁷ Савельева Л. В. *Экология языка*. Петрозаводск, 1996.

⁸ Подробнее см.: Тарланов З. К. *Методы и принципы лингвистического анализа*. Петрозаводск, 1995, с. 78 и след.

Такова, например, работа Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой «Синтаксические концепты русского простого предложения» (1999)⁹.

Авторы исследования под синтаксическим концептом простого предложения понимают «ту типовую пропозицию, которая зафиксирована структурной схемой простого предложения..., некоторое отношение, уловленное говорящим как типовое (отношение бытия, инобытия, небытия и др.)»¹⁰. Констатируется, что «выявление синтаксического концепта и предикативного отношения происходит на разных уровнях анализа. Предикативное отношение, как считают авторы, находится в сфере семантики конкретного языка, синтаксический концепт существует на уровне общечеловеческих смыслов и часто служит опорой для переводчиков»¹¹. Здесь нельзя не обратить внимания на то, что концепты как глубинные составляющие этнической культуры по их сути оказываются выведенными из сферы этой культуры и включенными в категорию общечеловеческих смыслов. Отсюда естественно напрашивается и другой вывод: в одном и том же языке реализуются концепты двоякой принадлежности – этнокультурные (на лексико-семантическом уровне) и надэтнические, интеркультурные, общечеловеческие (на синтаксическом уровне). Условность и произвольность такого решения очевидна.

Таким образом, согласно рассматриваемой концепции, каждый язык характеризуется своим набором синтаксических концептов, составляющих семантическое пространство языка. Выявление синтаксического концепта ставится в зависимость от структурной схемы простого предложения, которая и квалифицируется как знак синтаксического концепта. В качестве важнейшего свойства структурной схемы как знака того или иного синтаксического концепта вслед за В. А. Белошапковой и Т. В. Шмелевой признается ее «непременная информативная достаточность». «Этому подходу, – пишут авторы, – не отвечает традиционное выделение сочетаний подлежащее – сказуемое и главного члена односоставного предложения, которые во многих случаях, будучи информативно недостаточными, не давали возможности увидеть за ССП (структурной схемой простого предложения. – З. Т.) тип синтаксического концепта»¹².

⁹ Волохина Г. А., Попова З. Д. *Синтаксические концепты русского простого предложения*. Воронеж, 1999.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же, с. 7-8.

¹² Там же, с. 8. Следует ссылка на: Белошапкова В. А. *Современный русский язык. Синтаксис*. М., 1977, с. 85.

Однако при этом остается неясным, почему структурная схема как языковая единица должна быть информативно достаточной, коль скоро вопрос стоит о языковых, а не речевых единицах. Более того, информативная достаточность/недостаточность вовсе не учитывается при выделении единиц других уровней языка (фонем, морфем, словоформ). Она не может быть определяющей и при выделении структурных схем простого предложения по той причине, что речь идет именно о схемах, о грамматических конструкциях, по природе своей лишь задающих направления синтаксического и содержательно-информационного развертывания мысли.

На основании указанных принципов выделяются 8 концептов: концепт «бытие объекта» [напр., «кто/что есть (существует) где, когда»: Ночью она спала на продавленном диване (Паустовский)]; концепт «бытие признака объекта» [напр., «это есть кто/что»: Это была уже старая женщина (Берберова)]; концепт «инобытие объекта» [напр., Я молча кивнула головой (Берберова)]; концепт «самостоятельное перемещение агенса» [напр.: А на следующий день воробей и через забор перелетел (Чарушин)]; концепт «агенса воздействует на объект» [напр.: Она несла большую куклу (Л. Толстой)]; концепт «речемыслительная деятельность человека» [напр.: Девушки о чем-то опять пошептались (Паустовский)]; концепт «пациенс претерпевает состояние» [напр.: Мне надо иметь доказательства (Берберова)]; концепт «небытие объекта» [напр.: Стучу. Никого (Берберова)].

Таковы в самом общем плане синтаксические концепты русского простого предложения по одной из версий их выявления и описания в семантической структуре русского языка.

При всем том, что подобные варианты абстрактно-семантического описания современного русского языка (на основе учета отношений между компонентами субъектно-предикатных групп предложения) безусловно полезны, поскольку углубляют и расширяют наши представления о синтаксических и шире – лексико-грамматических возможностях русского языка XX в., он, на мой взгляд, не приводит к выявлению его синтаксических концептов, которые *по определению должны быть ключевыми для объяснения русского мировоззрения, типа культуры, этнической философии* и т.д.

Субъектные, предикатные, объектные отношения, отношения пространственной и временной локализации определенных событий лежат в основе познавательной деятельности как таковой, они универсальны, а потому изохронны и изотничны. Они, по-разному варьируясь, выражаются в языках самого разного типа, тем самым реализуют в них общечеловеческое начало. Следовательно, такого рода

отношения не могут служить сигналами или иррадирующими пунктами этнической культуры, философии и психологии. Если даже они заметно по-другому проявляются в том или ином языке, и тогда их этнолингвистическая отнесенность остается приглушенной, поскольку простираются на ряд языков, группирующихся в один тип, тем самым организуя мир суперэтнических, надэтнических отношений.

Обратимся к двум примерам. Первый пример: В русском языке (языке номинативного строя) высказывания *Мальчик уже спит* и *Мальчик уже читает* соответствуют принципиально одной и той же синтаксической схеме (модели): субъект + признак/действие + временной локализатор признака. В лезгинском языке (один из автохтонных языков Дагестана) этим русским высказываниям соответствуют конструкции *Гада гила ксанва* и *Гадади гила к'елзава*.

Субъекту действия/состояния в русском, в обоих случаях оформленному именительным падежом, в лезгинском соответствуют два субъекта, представленные соответственно именительным (в данном случае падежом субъекта пассивного действия) и эргативным (падежом субъекта активного действия). Так называемый прямой субъект в лезгинском языке выступает, таким образом, расчлененно, дифференцированно, и эта дифференциация поддерживается не только синтаксически, но и лексико-грамматически: активный субъект сочетается лишь с переходными глаголами.

Подобного рода дифференцированное представление прямого субъекта в лезгинском, как и в других языках эргативного строя, неизвестное, например, языкам индоевропейским, семантически значимо и вполне могло бы быть величиной концептообразующей. Однако величина эта не замыкается в границах одного этноязыкового коллектива, но простирается на кавказские языки в целом, характеризуя тем самым суперэтническую, зональную концептосферу. Это синтаксическое явление, возвышающееся над отдельным языком, поддерживается единством или очевидной близостью философии традиций, культуры всех кавказских народов, говорящих на языках эргативного строя. Вместе с тем, если оно и может быть выделено в каждом из языков рассматриваемого типа в качестве синтаксического концепта «активный или пассивный субъект», то и тогда оно не ограничивается рамками этнической культуры, но предстает как концепт интерэтнической культуры и мировосприятия.

Второй пример. Известно, что самые разные языки располагают пространственными локализаторами действия/состояния субъекта. В русском языке это, например, наречия, падежные и предложно-па-

дежные формы и др. В том же лезгинском языке, к которому я уже обращался, кроме падежных и др. форм аналогичной функции, существуют целые серии локативных падежей, детализированно представляющих эти пространственные характеристики. Так, русско-му высказыванию *Объявление – на столе* в лезгинском соответствуют два высказывания *Малумат столдал ала* и *Малумат столдик ква*: в первом сообщается о нахождении объявления на столе (на его поверхности), во втором – о нахождении его на боковой поверхности (прикреплено сбоку)¹³. Поэтому единственно возможный смысл приведенного изолированного русского высказывания лезгином может быть воспринято двусмысленно, в соответствии с картиной пространственных отношений, диктуемых его родным языком.

Могут ли подобные отношения лечь в основу синтаксического концептообразования? У нас нет оснований для уверенно-положительного или уверенно-отрицательного ответа на этот вопрос. Но при этом необходимо иметь в виду, что разветвленной системой локативных падежей располагают не только кавказские языки, куда относится лезгинский, но и, например, финно-угорские, носители которых принадлежат совершенно другому традиционному типу культуры, философии. Следовательно, в последнем случае речь идет даже не о суперэтническом, зональном, а суперзональном феномене.

Постулирование того, что собственно концепты языка – это важнейшие содержательные и оценкодиктующие составляющие этнической культуры, психологии, этно-социального мировоззрения, как будто не дает повода относить рассмотренное явление к числу концептообразующих. С другой стороны, оно допускает и типологическое толкование: проявляясь в языках различных культур, оно обслуживает в них несовпадающие этно-культурные константы.

Количество подобных примеров легко умножить. Общий вывод, который напрашивается при их рассмотрении, может быть сформулирован, как представляется, следующим образом: синтаксические отношения, реализуемые на субпредложенческих подуровнях, в силу их обобщенности и принципиальной изохронности и изоэтничности лишены или почти лишены концептообразующей потенции. И едва ли синтаксические концепты выделимы на этих подуровнях.

Следует ли отсюда, что синтаксис как таковой индифферентен по отношению к этнической культуре и этническому мировосприя-

¹³ Подробнее см.: Тарланов З.К. *К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках* // Вопросы языкознания, 1980, № 3, с. 70-76.

тию? Разумеется, нет. По-видимому, синтаксис важен и интересен не столько как концептовывражающая сфера, сколько как сфера, в известной мере *определяющая модус восприятия мира*, окружающего человека. Это уже – уровень предложения, вернее – уровень типа предложения.

Задаваемые предложением модусы связаны с разными его типами, моделями в традиционном толковании, ибо *синтаксический тип предложения в его парадигматической соотнесенности содержится сам по себе, как материальный знак*.

Синтаксические типы простого предложения, складываясь исторически, в определенной последовательности, по действующим в тот или иной период тенденциям, вызывающим системные изменения в языке, обнаруживают безусловную связь с народным мировоззрением, мировосприятием, типом культуры и этнической психологии.

Поэтому если уж и вводить термин *концепт* в синтаксический анализ, то под него могут быть подведены только типы предложения как таковые. В этом убеждает, в частности, история становления и функционирования типов простого предложения в русском языке в их отношении к этнофилософии, о чем мне уже приходилось писать достаточно подробно¹⁴.

¹⁴ Исследование этой истории см.: Тарланов З. К. *Становление типологии русского предложения в его отношении к этнофилософии*. Петрозаводск, 1999.